

УДИВИТЕЛЬНОЕ МЕСТО»

Но у меня достаточно быстро получилось, я пришёл в 1988–1989 гг., в 1991 уже дублировал, а через три года уже первый раз полетел. У нас есть примеры, когда люди ждут по 10 лет своего первого полёта, это очень тяжело: постоянно быть в форме, постоянно готовиться, в этом смысле мне повезло, и я достаточно быстро достиг своей мечты. А уж между первым и вторым полётом прошло всего лишь 2 года, что тоже достаточно редко, но там были свои особенности, один из космонавтов заболел, надо было срочно заменить, и меня поставили в экипаж, и в 1996 году я полетел в свою вторую экспедицию.

– Юрий Владимирович, вы – активный популяризатор космонавтики. Были ли какие-то случаи, когда вы своим примером «зажгли» чьё-то сердце, может быть, среди сотрудников РКК «Энергия», или были дети, которые заинтересовались космической сферой благодаря встрече с вами?

– Сложно сказать, наверное, скромнее надо быть, но я очень надеюсь, что кому-то это показалось нужным. Я действительно достаточно много общаюсь, даже есть целый курс для 6–8 класса – 15 лекций, мы проводили их и здесь, в Королёве, и в Ивантеевке. Но когда я иду на встречу, я прекрасно понимаю, что это не нужно всем. Например, в класс пришёл тренер по самбо, и если все, кто его услышит, пойдут в секцию, то через одну-две тренировки останутся единицы. Поэтому я себя нисколько не обманываю. Но если это нужно двум-трём, даже если это нужно одному человеку, я готов идти, встречаться, рассказывать.

Иногда бывают интересные случаи. Меня пригласили в командировку в Великий Новгород, еду туда и думаю: что там за аудитория, я там никогда не был, зачем я еду. Ну просто вызов был на встречу – приезжаю, общаюсь, и потом один из мальчишек, я уже не помню, кто конкретно, задаёт вопрос. И тут я понимаю, что я приехал ради этого вопроса, что вся цепочка вот эта была выстроена для того, чтобы я приехал в Великий Новгород именно для этого конкретного мальчишки, чтобы ответить на его вопрос. Я подумал: вот это да, как это всё работает, представляете?

– А не помните, какой конкретно был вопрос?

– Не помню, это уже было давно, лет 8–10 назад, но помню свои ощущения. Вообще работа очень ответственная, нужно очень внимательно подходить к тому, что ты делаешь. Ответственно – это главное слово.

– Юрий Владимирович, какие вопросы чаще всего задают ребята, что их больше всего интересует?

– На встречах практически одни и те же вопросы, людей интересует быт: как спят космонавты, страшно было или нет, как мы моемся, что мы едим и так далее. Самые обычные вопросы. Люди же пытаются перенести свой бытовой опыт туда. С детьми проще, у них что на уме – то и на языке, они не стесняются, а взрослые немножко комплексуют. Но всё зависит от аудитории, иногда вместо получаса 2–3 часа проговоришь, потому что люди некоторые интересуются какими-то глубокими философскими аспектами, и чем интереснее аудитория, тем больше желания рассказывать. Это много сил требует, конечно, но я пытаюсь максимально удовлетворить интерес, если он есть.

– Сейчас на землю с МКС вернулись Олег Новицкий и белорусская космонавтка Марина Василевская. Как вы думаете, космос – это про сотрудничество или про соперничество?

– Ну это же всё от людей зависит. Люди и в космосе люди, тащат всё: и положительное, и отрицательное, идеализировать их не стоит. Поскольку человек пока ещё не совершенен в своём сознании, я не осуждаю ни в коей мере, это не хорошо и не плохо, это как есть. Да мы и здесь, на Земле, не можем общий язык найти во многом. Я, когда командиром был на последней экспедиции, с двумя американцами летал, для меня очень важно было выстроить так отношения, чтобы, во-первых, программу полёта выполнить, во-вторых, чтобы они живые и здоровые вернулись.

Это не просто, конечно, но мы до сих пор дружим после полёта: созваниваемся, встречаемся при первой возможности. У нас очень хорошие отношения до сих пор и с теми, кто прилетел на станцию в экспедиции и в рамках посещения.

Работа на орбите – совершенно новый тип отношений: люди рискуют, долго работают вместе, им соперничать незачем, они сотрудничают, и это удивительно. Я слушаю, как друг о друге отзываются другие экипажи, тоже только позитивно, это удивительный феномен, пока он ещё не изучен, наверное, когда станция уже перестанет летать, тогда.

– Здесь сказывается и изоляция, верно?

– И это тоже, она отношения интенсифицирует, слово нехорошее, но ты должен быть очень внимателен к экипажу, потому что там дверь не хлопнешь: «Вы надоели мне!» – взял и улетел. Ты должен выстраивать отношения так, чтобы это не травмировало, быть тактичным и бережным в отношении других. Поэтому я очень дорожу и рад, что так сложилось, что дала судьба получить такой удивительный опыт.

– За какими проектами вы следите в космической сфере, помимо своей работы, может быть, что-то вас интересует больше в развитии современной космонавтики либо в её будущем?

– Был период, когда я увлёкся Циолковским, очень много читал. Это настолько нераскрытый для большинства людей автор, там такой масштаб. Это совершенно удивительная безграничная философия. Непонятно вообще откуда и как ему эти мысли приходили, совершенно удивительно.

Слежу за современной повесткой, тот же Илон Маск, вот попалось его размышление, я, правда, не слышал его в английском варианте, но то, что пишу в переводе – вот идеи отправить миллион человек на Марс. Я же инженер и тем более с опытом полёта. Я как представлю, сколько у нас уже слетало в космос, и тут такие амбиции – миллион... Ну, не хочется говорить какие-то негативные вещи, но либо он просто популист, либо не очень понимающий человек.

Это, наверное, хорошо, чтобы немножко разбудить людей, чтобы они начали думать, но это абсолютно не реалистично. И потом, зачем надо лететь миллиону человек на Марс, это же американизм чистой воды, уж извините: как в старину – кто быстрее забежит, поставит флажок, того и земля, и они продолжают делать то же самое: быстро-быстро полететь. Поэтому у них нет и культуры питания, потому что это всё делается на бегу. Мы другие, если проводить аналогию, мы – оседлый народ, для нас важна семья, важна земля, где ты живёшь, традиции.

А спроси его зачем, что этот миллион там будет делать, как вы будете кормить этих людей, где вы возьмёте воду, атмосферу, туда же всё нужно везти.

Мы каждые 2 месяца грузовой корабль на МКС отправляем, чтобы туда доставить воду или пищу, а если это будет даже 100 человек на Марсе – у нас нет такой транспортной системы, которая позволяла бы каждую неделю туда летать. Пока её нет. Поэтому всё это легкомысленные планы.

Но я стараюсь смотреть, что происходит вокруг. И, конечно, я уже «испорченный» опытом своих полётов и образованием, поэтому я критически подхожу.

Особенно меня умиляет дискуссия про плоскую Землю, и это вообще «на голубом глазу». Показывают реальные кадры со станции и говорят: вы что не видите, там всё на тросиках. Господи, думаю, люди умышленно, осознанно отказываются от коперников, галилеев и других учёных и хотят идти в каменный век со своей плоской Землёй. Это поразительно, это феномен. Я не осуждаю, просто как факт, когда была нормальная физика и астрономия в школе, даже вопрос не стоял о плоскости Земли. А потом появились Лоза и его сторонники. Ну, это их выбор, пусть живут на плоской Земле.

– Юрий Владимирович, каким вы видите развитие космонавтики? Идею Маска мы отвергаем, идеи Лозы тем более, куда все-таки мы будем двигаться дальше?

– Мне кажется, мы не дорабатываем в плане изучения человека в космосе. Мы много занимаемся техникой, научными экспериментами, регулярно сдаём анализы, но думаю, что нужно уделить внимание феномену: чему мы, как человечество, как люди, научились. Вот я увидел Землю с высоты 400 км, у меня, например, изменилось представление о картине мира, ценности и так далее, вот такого труда мы, к сожалению, пока не создали. Мне кажется, нужно в этом направлении работать. Нас же интересует не просто железо на орбите, нас интересует человек, что с ним происходит, что в нём меняется, может быть есть какие-то ограничения не только физиологические, но ещё и нравственные, ценности, и так далее. Я думаю, нам нужно глубже изучать человека, что с ним происходит как на Земле, так и в космосе, вот это самоцель должна быть.

– И сразу просится вопрос, насколько вас лично изменили полёты в космос?

– Очень серьёзно изменили. У большинства космонавтов, если не у всех, происходит изменение. Во-первых, мы находимся достаточно в изолированном экипаже и достаточно длительное время, это всё-таки рискованная среда, и это не может не

накладывать отпечаток. Потом вид Земли, ограниченность контакта, немного по-другому начинает работать мозг, по-другому ощущается время, видимо, поскольку не хватает эмоций, ярче проживаешь какие-то образы. Идёт своеобразная перестройка организма. И может быть самый главный урок – поскольку у тебя есть время многие вещи переосмыслить, меняется масштаб восприятия всего: жизни, смерти, любви, планеты, природы – всего, что у тебя есть. И у тебя есть время над этим размышлять, вот это может быть самая главная вещь.

Валера Поляков, царствие ему небесное, мой член экипажа из первого полёта, я очень хорошо помню его слова: «Я после полёта, когда вернулся, даже комара не мог прихлопнуть на себе. Я старался сдуть его или согнать». Но потом привыкаем, конечно, и та же рутина нас захватывает, но как проявляется человек после длительного космического полёта – это очень интересно.

Ещё одна интересная история, не только моя, многие космонавты об этом тоже могут сказать. Я очень хорошо помню этот момент: прошёл, наверное, месяц, а может меньше после космического полёта, и я ехал в метро в Москве, обычный день какой-то, никто, конечно, меня не знал, я обычный пассажир – ехал и поскольку очень долго не видел людей, я смотрел на них всех, и у меня возникла мысль: Господи, как же я вас всех люблю. Представляете, как надо было изменить сознанию.

А когда на планету смотришь с орбиты полное ощущение возникает, что она – живой организм, и почему-то она в такой форме. Это совершенно удивительно. И ещё одну скажу вещь, я часто об этом говорю, просто, мне кажется, это важно, не потому, что я такой умный, просто это опыт, которым я пытаюсь поделиться с вами и через вас. Когда впервые увидел Землю в иллюминаторе, пришла мысль, что вот такую красивую планету, как наша Земля, могла сотворить только очень большая любовь. Я человек не религиозный, у меня свои отношения с Богом, но это настолько поразительно. Я просто влюбился в планету, я мог часами в свободное время висеть у иллюминатора и любоваться ею. Это потрясающее место, мы настолько счастливы, что у нас есть такое место для жизни, поэтому всё это бросить и лететь куда-то потому что зуд в одном месте, да нет, Земля – совершенно удивительное место!